

КАЗИС ЛАБАНАУСКАС (Москва)

НЕНЕЦКИЙ ПЕРФЕКТ

В ненецком языке, как в разговорной речи, так и в письменном языке и фольклоре, довольно часто употребляются личные глагольные формы с суффиксом $-βi$ ($-mi$): *taβen* 'ты дал', *tarpβid* 'они вышли' и т. д. Например: м.-з. *tiki hib'arim' niβem' namd* 'я не слышал про того человека'; лит. *тыкы нем' небыдан пэрцавась, тэмбараравэв* 'я ошибся, приняв эту женщину за свою мать' (Терещенко 688); лесн. *kattäëβokku jōm'mäëm* 'ich habe Möwe verloren' (Lehtisalo 102).

Задачи данной статьи: критически оценить существующие мнения о личных глагольных формах с суффиксом $-βi$ ($-mi$), вскрыть сущность временного понятия, выражаемого этими формами и определить их более точное место в системе времен и наклонений ненецкого глагола. Статья имеет цель обосновать возможность выделения перфекта.

1. Личные глагольные формы с суффиксом $-βi$ ($-mi$) затрагиваются не впервые. Хотя специальных работ им не посвящено, все же исследователи так или иначе касались этих форм.

М. А. Кастрен специально не рассматривал формы на $-βi$ ($-mi$), он лишь упомянул их в связи с камасинским прошедшим временем на $-bi$ ($-wi$).¹ Этот пробел был восполнен А. Шифнером в предисловии к самодийским словарям М. А. Кастрена. А. Шифнер отметил, что в ненецком языке от причастия на $-wu$ образуются формы прошедшего времени со значением либо активным, либо пассивным.²

Г. Н. Прокофьев дал более подробную характеристику интересующих нас глагольных форм. По его мнению, формы, образованные от причастия совершившегося действия (суффикс $-wə$, $-mə$), используются в значении предположительного наклонения и выражают действия, относительно которых, не будучи свидетелем происшествия, можно предполагать (напр., по каким-либо сохранившимся признакам), что они имели место в более или менее отдаленном прошлом.³ Однако у Г. Н. Прокофьева эти формы никак не названы и не указано их место в системе ненецкого глагола.

Т. Лехтисало писал, что в качестве показателей прошедшего времени используются суффиксы $-maj$, $-mmi$, $-mmäë$, $-ββi$, $-ββë$, происходящие от

¹ М. А. Castrén, *Grammatik der samojedischen Sprachen*, St. Petersburg 1854, стр. 376.

² М. А. Castrén, *Wörterverzeichnisse aus den samojedischen Sprachen*, St. Petersburg 1855, стр. XXIV.

³ Г. Н. Прокофьев, *Ненецкий (юрако-самоедский) язык. — Языки и письменность народов Севера I*, Москва—Ленинград 1937, стр. 43.

праур. $*-ma + *-j$.⁴ Аналогичное мнение высказано и в трудах И. Дьерке⁵ и Дь. Дечи.⁶

Б. Коллиндер нашел возможным выделить нарративное наклонение с суффиксами $-wυ \sim -w\delta$ ($-mυ \sim -m\delta$).⁷ Согласно П. Хайду, формы с этими суффиксами нельзя отнести к наклонениям, поскольку в них нет соответствующего показателя. Речь идет об особом значении-функции перфектного причастия в роли сказуемого.⁸ И. Н.-Шебештьен утверждает, что глагольные имена на $-\beta\beta i$ не выражают временного отношения.⁹

Б. А. Серебренников, анализируя восточный тип перфекта в уральских языках, предположил, что в ненецком языке существует перфект, образованный от причастия на $-w\ddot{y}$, $-m\ddot{y}$.¹⁰ Это высказывание имеет особое значение: впервые в истории изучения ненецкого глагола сделана попытка четко осознать сущность временного понятия, выражаемого формой на $-\beta i$ ($-mi$), определить ее место в системе времен ненецкого глагола.

Н. М. Терещенко трактовала по-разному глагольные формы на $-\beta i$ ($-mi$). В 1947 г. она писала: 1) «в значении совершенного вида используются личные формы причастия совершившегося действия (суффиксы $-вы$, $-мы$)», 2) «в значении прошедшего времени нередко используется форма, характеризующаяся суффиксами $-вы$, $-мы$ ». ¹¹ В 1952 г. ею высказана мысль, что формы с показателем $-вы$ ($-мы$) употребляются также для выражения не просто совершенного, но и совершенного неочевидного действия.¹² В грамматическом очерке к ненецко-русскому словарю тоже указано, что эти формы служат для выражения неочевидности и совершенности действия.¹³

Итак, можно отметить, что временное значение форм с суффиксом $-\beta i$ ($-mi$) никем не было понято, за исключением Б. А. Серебренникова. У Н. М. Терещенко остается неясным истинное место этих форм в системе категорий ненецкого глагола. Следовательно, есть необходимость в их дальнейшем изучении.

2. Как уже указывалось, рассматриваемые формы¹⁴ являются личными глагольными, потому что в отличие от имен могут изменяться по всем трем типам спряжения (субъектному, объектному, безобъектному)

⁴ T. Lehtisalo, Über die primären uralischen Ableitungssuffixe, Helsinki 1936 (MSFOu LXXII), стр. 109.

⁵ J. Gyöngye, Volt-e a magyarban $-u$, $-ü$ - praeteritum-képződ? — NyK LI 1941, стр. 60; его же, Adalék a szamojéd igeidőalakok kérdéséhez. — NyK LI 1941, стр. 89.

⁶ Gy. Décsy, Yurak Chrestomathy, Bloomington 1966 (UAS 50), стр. 71.

⁷ B. Collinder, Survey of the Uralic Languages, Uppsala 1957, стр. 441.

⁸ P. Hajdú, Chrestomathia Samoiedica, Budapest 1968, стр. 65.

⁹ I. N.-Sebestyén, Zur juraksamojedischen Konjugation. — FUF XXXVIII 1970, стр. 175.

¹⁰ Б. А. Серебренников, Основные линии развития падежной и глагольной систем в уральских языках, Москва 1964, стр. 113.

¹¹ Н. М. Терещенко, Очерк грамматики ненецкого (юрако-самоедского) языка, Ленинград 1947, стр. 182, 190.

¹² Н. М. Терещенко, О развитии грамматических категорий ненецкого языка (на примере категории причастия). — Вопросы теории и истории языка, Москва 1952, стр. 373.

¹³ Н. М. Терещенко, Краткий грамматический очерк ненецкого языка. — Ненецко-русский словарь, Москва 1965, стр. 902, 905.

¹⁴ Имеются в виду те, что встречаются в тундровом наречии ненецкого языка. Схожие по структуре и значению формы на $-mi$, $-me$ лесного наречия нами почти не затрагиваются из-за недостаточной изученности этого наречия.

и некоторым наклонениям.¹⁵ Возникнув на базе перфектного причастия с показателем $-βi$ ($-mi$), они прошли длительный путь переосмысления и приобрели признаки личной глагольной формы. В этой связи интересно отметить, что в современном энецком языке аналогичные формы с суффиксом $-bi$ уже полностью потеряли отношение к перфектному причастию, хотя раньше оно, возможно, существовало (ср. *kābi* 'он, оказывается, умер' и *kābe* 'мертвый').

Поскольку личные глагольные формы изменяются по лицам, числам, временам и наклонениям, логично поставить вопрос, какое время и падеж представляют ненецкие формы на $-βi$ ($-mi$). Однако прежде всего необходимо выяснить, являются ли эти формы видовыми.

Известно мнение специалистов, что формы на $-βi$ ($-mi$) могут иметь значение совершенного вида. Однако, изучая языковой материал, нетрудно убедиться, что суффикс $-βi$ ($-mi$) не обозначает характера протекания действия. В глагольной форме могут быть любые суффиксы видовой направленности, а суффикс $-βi$ ($-mi$), находясь рядом с ними, как правило, не влияет на их смысловую функцию. Например: *пята+ба+вы* (ЭПН 678) 'она разжигала' от *пятаба-* 'разжигать'; *ерем+зят+вы* (Лапцуй 25) 'ему обычно приходилось' от *ерем-* 'прийтись'; *вадѣ+да+н+вы*" (Терещенко 641) 'они росли' от *вадѣдана-* 'расти'; *ѣнда+л+мыд*" (Терещенко 652) 'они начали перелетать' от *ѣндѣл-* 'начать перелетать'; *хадетс+р+лэдм*' (Лапцуй 33) 'я царапался' от *хадетор-* 'царапаться'. Как видим, в этих глаголах видовое значение несут только суффиксы: *-ба, -зят, -да, -н, -л, -р*", но отнюдь не *-вы, -мы*.

Присоединяясь к неизменяемым основам, обозначающим либо длительное, либо кратковременное (мгновенное) действие (при отсутствии специальных видовых показателей), суффикс $-βi$ ($-mi$) тоже не влияет на их видовое значение (аспект). Если неизменяемая основа выражает, например, длительное действие, то сколько бы ни присоединялся суффикс $-βi$ ($-mi$), она не изменит своего видового значения: *иле+вы* (Терещенко 663) 'он жил' от *иле-* 'жить'; *тенева+вэ+нне*" (ЭПН 241) 'ты, оказывается, знаешь' от *тенева-* 'знать'.

С другой стороны, когда неизменяемая основа выражает терминативное действие, присоединение суффикса $-βi$ ($-mi$), если он обозначает совершенность действия, было бы невозможно, так как в итоге форма, например *ѣльцевы* (Терещенко 118) 'завершено' от *ѣльце-* 'завершить', выражала бы дваждысовершенство. Но на деле эта форма вполне реальна, ибо семантическая роль суффикса *-вы* в данном случае не состоит в обозначении совершенности.

Наконец, с чисто формальной точки зрения, суффикс $-βi$ ($-mi$) невидовой, поскольку он в отличие от видовых суффиксов (кроме $-seti$) не может появляться во вневременных формах. В ненецком языке могут быть неопределенные формы глаголов *šertaba-* 'делать' от *šerta-* 'сделать', *tur-* 'приходить' от *to-* 'прийти' и т. д., но вневременные *šertaβi-, toβi-* совершенно невозможны. А ведь присутствие видового суффикса во вневременной форме является важнейшим условием правомерности той или иной видовой формы.¹⁶

¹⁵ Своеобразие изменения предикативных форм на $-βi$ ($-mi$) уже давно замечено, см. Н. М. Терещенко, О развитии грамматических категорий..., стр. 373. Однако из этого никаких выводов не было сделано.

¹⁶ Б. А. Серебрянников, Категории времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп, Москва 1960, стр. 27.

Исходя из этих соображений, мы считаем личные глагольные формы с суффиксом *-βī (-mī)* не видовыми, а временными, причем без определенной видовой специализации.

Любое глагольное время, очевидно, обладает одним общим значением. Следовательно, можно думать, что у времени на *-βī (-mī)* в качестве общего значения будет либо нарративное (значение неочевидности действия), либо перфектное.

Что же обозначает та или иная его форма, если ее разложить на составные части? В примере *Нева' ягувынĕ', ханявана поёртакы. Апой ханда танянĕ', утукана хэвакы* (ЭПН 640) 'Нашей женщины, оказывается, нет, куда-нибудь поехала за дровами. Одна легковая нарта есть, ведь она на грузовой уехала' (ЭПН 649) берем форму *ягувынĕ'* 'ее, оказывается, нет'. В ней видим соединение причастия прошедшего времени *ягувы* 'отсутствовавшая' с показателем 3-го лица ед. ч. неопределенного времени изъявительного наклонения субъектного спряжения *-φ* (суффикс *-нĕ'* не принимается во внимание), смысл которого в совмещении двух временных планов — прошедшего с настоящим. Аналитически значение формы *ягувынĕ'* можно понять как 'она есть отсутствовавшая'. Но для того чтобы сказать о прошлом действии в плане настоящего, необходима реальная причинная связь между прошлым действием и моментом речи, в котором оно констатируется. Причинная же связь прошлого действия с настоящим возможна лишь, если прошлое действие оставило ощутимые следы до момента речи: в данном случае говорящий видит, что легковая нарта женщины есть, а грузовой нет. Наличие причинной связи прошлого действия с моментом речи позволило говорящему утверждать: *нева' ягувынĕ'* 'нашей женщины, оказывается, нет'. Если прошлое действие не оставило бы следов до момента речи и о нем говорилось бы только в плане прошедшего, то было бы употреблено *ягусинĕ'* 'ее ведь не было' (3-е лицо ед. ч. прошедшего времени изъявительного наклонения). В итоге получается, что при помощи временной формы *ягувынĕ'* выражено прошлое действие, результат которого ощущается в настоящем, а это составляет понятийную сущность глагольного времени, называемого перфектом.

Приведем несколько примеров, где перфект обозначает результат прошлого действия, качественное состояние чего-либо в момент речи, возникшее как следствие прошлых действий, причем иногда говорящий мог быть свидетелем прошлого действия, знать ход развития событий. М.-з. фольк. *Хазер' эда сер', а'на хаядаць синьда тура' ягу. Адыда вэкор сит хаевынĕ'* (ЭПН 657) 'Что это такое, вы давно уехали, а огня все еще нет. Вот почему твой муж тебя оставляет' (ЭПН 665); лит. *пи' ямбан' яр' махаданда сэвда пыкалмыд'* 'оттого, что она плакала целую ночь, глаза у нее опухли' (Терещенко 496); ям. *теда квартал сусава нгэсонд толавэри яля хаи', план пелярида томдавы* (ННг. 11/XII 1971) 'теперь остались только считанные дни до конца квартала, а выполнена лишь половина плана'; лесн. *šū'kkī ŋammā'nnāraj χōttvā ñāēiββūn-nāttvā, ñēššēàn pīrrāt űmmāēm mannāēš'*^a 'dieses Getränk von dir scheint gut zu sein, mein Lebenlang hab ich (solches) nicht gesehen' (Lehtisalo 407).

Естественно, у перфекта есть ряд других окказиональных значений, затрагивать которые пока нет возможности.

Последний вопрос в изучении перфекта с суффиксом *-βī (-mī)* — его место среди времен и наклонений ненецкого глагола. Иначе говоря, необходимо определить, реально или ирреально в модальном отношении

основное значение перфекта, и, таким образом, относится он к временам изъявительного наклонения или к косвенным наклонениям.

Уже высказывались мнения об ирреальном значении. Согласно Н. М. Терещенко, формы с суффиксом $-\beta i$ ($-mi$) служат для выражения неочевидного действия.¹⁷ Если это так, исследуемый нами перфект придется отнести к косвенным наклонениям, превратив это время в наклонение. Ведь когда говорящий грамматически выражает тот факт, что действие он лично не наблюдал, он тем самым показывает свое отношение к действию, а отношение говорящего к действию выражается наклонением.¹⁸

Однако вопрос состоит в том, составляет ли модальное значение неочевидности основное смысловое содержание перфекта или оно органически заключено в нем, не составляя его основного смыслового содержания. В литературе по уральским (финно-угорским) языкам уже изучалось соотношение перфектного и нарративного значений в перфекте. Б. А. Серебренников писал по поводу ненецкого перфекта: «Модальное значение неочевидности действия могло возникнуть только на базе перфектного значения этого времени.»¹⁹ Анализируя ненецкий языковой материал, можно встретить случаи, когда перфект носит значение неочевидности действия, например: м.-з. фольк. *Нер' поёрмазь эдарарсинё'. Мадабада пяда ни' харна амдвы'. Ма' нивьюв': «Тедари' сававна илен, тикэд сидя эт ни' тэвгун»* (ЭПН 567) 'Утром ты послал ее за дровами. На дерево, которое она рубила, сел ворон. Ворон сказал ей: «Пока ты хорошо живешь, а потом будешь ходить пешком»' (ЭПН 589). Здесь говорящая не была свидетелем происшествия, она узнала все от другой женщины. Таких примеров можно привести больше, но вывод один: если встречаем где-либо перфект в значении нарратива, то это надо рассматривать лишь как проявление способности перфекта выражать неочевидность действия. Аналогичной способностью обладают перфектные времена в некоторых финно-угорских и тюркских языках.²⁰ В ненецком же языке нарративное значение не заслоняет перфектного, а лишь сопутствует ему, будучи органически заключенным в одной и той же форме. Эта черта присуща и перфектам в тюркских языках. Как утверждают специалисты, в тюркских языках модальными оттенками косвенных наклонений часто осложнено перфектное время, передающее действие, свидетелем которого субъект не был.²¹

Таким образом, то, что ненецкий перфект на $-\beta i$ ($-mi$) в определенных случаях носит значение неочевидности действия, не дает оснований назвать это время наклонением. Основное значение перфекта реально в модальном отношении, место этого времени — в системе времен изъявительного наклонения.

Важно учесть и тот факт, что наряду с этим временем существуют аналогичные по структуре (тоже с суффиксом $-\beta i$ ($-mi$), но содержащие

¹⁷ Н. М. Терещенко, Краткий грамматический очерк ненецкого языка, стр. 902.

¹⁸ Б. А. Серебренников, О природе прошедшего неочевидного в пермских и марийском языках. — Записки Удмуртского научно-исследовательского института истории, языка, литературы и фольклора, вып. 17, Ижевск 1955, стр. 165.

¹⁹ Б. А. Серебренников, Основные линии развития падежной и глагольной систем в уральских языках, стр. 113.

²⁰ Б. А. Серебренников, О редких случаях сочетания в одной глагольной форме двух модальных значений в некоторых финно-угорских языках. — Вопросы грамматики, Москва—Ленинград 1960, стр. 125.

²¹ Н. З. Гаджиева, Соотношение категорий времени и наклонения в тюркских языках. — Вопросы категорий времени и наклонения глагола в тюркских языках, Баку 1968, стр. 29.

еще свои показатели), разные формы косвенных наклонений. Оказывается, что рядом с перфектом, например, м.-з. *toβēda* "вы пришли" или "как говорят, вы пришли", могут быть формы *toβkēda*, *torhaβēda*, *toβaŋgab'aβēda*, *toβēda* "ejidatš", *toβēda* "ēbta", *toβēda* "ēβnada", *toβēda* "ēβcūda" с разными ирреальными значениями.²² Целесообразно рассмотреть здесь ряд примеров: м.-з. фольк. *Ябта Саля' не, Ябта Саля' ерв' хада'мадна' сит юд' по' пюрцава'*. *Наныкобт нубт мын' мюня ханавэкэр, недковар ава танесь. Нероко яхако' неро' под' лыгаравэн. Теда' ядэрма'мнат сит хом'* (ЭПН 150) "Жена (Хозяина) Ябта Саля, мы ищем тебя десять лет, с тех пор, как убили Хозяина Ябта Саля. Девочка-то у тебя была, а сына-мальчика ты, видимо, в утробе унесла. Ты спряталась в ивняке на ивняковой речке. Теперь я тебя нашел по твоим следам" (ЭПН 161, 162). В отрывке нас интересуют две формы: *ханавэкэр* "ты, видимо, унесла" (от *хана-* "унести") и *лыгаравэн* "ты спряталась" (от *лыгара-* "спрятаться"). Формальное различие между ними в том, что в первой, наряду с суффиксом *-вэ* (от *-вы*), стоит еще *-кэ* (от *-кы*). Смысловая же разница заключается в модальной направленности. Перфектная форма *лыгаравэн* выражает соответствие между содержанием высказывания и действительностью. Хотя говорящий и не был свидетелем того, как и куда раньше пряталась женщина, но сейчас, после десятилетнего поиска, перед его глазами реальный и несомненный факт — результат прошлых неудачных попыток женщины спрятаться в ивняковой речке. Наличие реального результата прошлого действия в момент речи дает возможность употребить индикативный перфект *лыгаравэн* "ты спряталась".

Другое модальное значение носит форма предположительного наклонения *ханавэкэр* "ты, видимо, унесла". Здесь тоже есть результат прошлого действия — сын у жены Хозяина Ябта Саля. Но муж ее был убит, а факт того, что она унесла сына в утробе, недостоверен, и относительно появления ее сына нельзя ничего утверждать категорически. Поэтому употреблена форма *ханавэкэр*, основное смысловое содержание которой исчерпывает некое ирреальное значение предположения, неочевидности, неясности причинной связи между прошлым действием и его результатом в момент речи. В противоположном случае было бы *ханавэр* "ты, оказывается, унесла".

Ям. *Нельва Омрам' ёльце саць хамзавакэда, минханда нянанда хая. Ёльце сава не нгэвы, тад тикы пуд хасава, не нюм' соябта* (Истомин 8) "А она вышла за Омру — видимо, крепко любила его. Хорошей женой оказалась Нельва: дочку и сына родила".²³ Тут тоже видим две формы с временным суффиксом *-вы* (*-ва*), принадлежащие к разным наклонениям: *хамзавакэда* "видимо, любила" от *хамза-* "любить" и *нгэвы* "оказалась" от *нгэ-* "быть". И здесь нетрудно убедиться, что основным значением формы *хамзавакэда* является модальное значение предположения (в сочетании с нарративным), а *нгэвы*, наоборот, обладает индикативным перфектным значением.

В примере лит. *хаво" сыңгрёхйна эдари" няна хэрхавы* "по слухам, он, кажется, уехал в тайгу" (Терещенко 574) находим форму наклонения

²² Большинство косвенных наклонений, содержащих временной суффикс *-βi* (*-mi*) в сочетании с другими суффиксами, не получило еще подробного описания в литературе по ненецкому языку, хотя они достаточно часто употребляются в разговорной речи и в фольклоре. Учитывая их неизученность, используем для анализа лишь некоторые.

²³ Перевод дан по: И. Истомин, Счастливая судьба, Свердловск 1967. стр. 24.

кажущегося действия *хэрхавы* 'он, кажется, уехал' от *хэ-* 'уехать'.²⁴ Тут для употребления этой формы тоже есть определенное основание — слухи об отъезде человека в тайгу. Но слухи, разумеется, не дают возможности что-либо категорически утверждать. Если в данном случае перед глазами говорящего были бы какие-нибудь реальные и несомненные следы прошлого действия, то был бы употреблен индикативный перфект *хэвы* 'он, оказывается, уехал'.

Разобрав примеры, можно сделать тот же вывод, что и при анализе значения неочевидности: время с показателем *-βi (-mi)* есть индикативный перфект с модальным значением соответствия между содержанием высказывания и действительностью. Место этого перфекта — среди прошедших времен изъявительного наклонения ненецкого языка.

Что касается разных форм косвенных наклонений, где тоже встречается временной суффикс *-βi (-mi)*, можно сказать пока лишь одно: их основное смысловое содержание составляют ирреальные значения предположительного, кажущегося действия, конъюнктива, дебитива и т. п. в тесном переплетении с нарративным значением. Эти косвенные наклонения еще ждут исследования.

3. На основе вышесказанного можно сделать следующие выводы.

1. Личные глагольные формы с суффиксом *-βi (-mi)* ненецкого языка не раз привлекали внимание исследователей, но первую попытку правильно осознать специфику их временного понятия находим лишь у Б. А. Серебренникова.

2. Поскольку суффикс *-βi (-mi)* не обозначает свойств и характера протекания действия и не может появляться в инфинитиве, личные глагольные формы с ним являются не видовыми, а временными, причем без четкой видовой специализации.

3. Рассматриваемое глагольное время возникло на базе причастия с суффиксом *-βi (-mi)*, восходящим к праур. **-p(V)*. Это, видимо, закономерное явление, ибо в самодийских языках наблюдается тенденция использовать как признак времени суффиксы, происходящие от праур. **-p(V)*.²⁵ Для сравнения добавим, что и в тюркских и монгольских языках значение причастий превратилось в значение глагольных времен.²⁶

4. Сущность временного понятия времени с показателем *-βi (-mi)* проявляется в обозначении такого совершившегося или совершавшегося в прошлом действия, которое не осталось целиком в прошлом, а ощущается и в настоящем времени, но уже не как само действие, а как результат его. Отсюда вытекает возможность именовать это время прошедшим результативным временем, или перфектом.

5. Ненецкий перфект обладает модальным значением соответствия между содержанием высказывания и действительностью и поэтому относится к прошедшим временам изъявительного наклонения. Никакие ирреальные значения неочевидности, предположения и т. п. не исчерпывают его основного смыслового содержания, превращая это время в наклонение.

²⁴ В трудах других исследователей наклонение с показателем *-r(a)ha, -l(a)ha* называется «вероятностным наклонением», см. Р. Hajdú, *Chrestomathia Samoidica*, стр. 64. Это наклонение пока остается неизученным.

²⁵ А. К ü н а р, *Kamassi keele preteritumist*. — ESA 13, Tallinn 1968, стр. 181—182.

²⁶ Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка, Москва 1970, стр. 261.

Сокращения

Истомин — И. Истомин, Маймбава, Тюмень 1960; **Лапцуй** — Л. Лапцуй, Ямал' нямна ваде'мы', Тюмень 1962; **ННг.** — газета «Нярьяна Нгэрм», Салехард Тюменской области; **Терещенко** — Н. М. Терещенко, Ненецко-русский словарь, Москва 1965; **ЭПН** — Эпические песни ненцев, Москва 1965; **Lehtisalo** — T. Lehtisalo, Juraksamojedische Volksdichtung, Helsinki 1947 (MSFOu XC).

Лесн. — лесное наречие ненецкого языка; **м.-з.** — малоземельский говор тундрового наречия ненецкого языка; **ям.** — ямальский говор тундрового наречия ненецкого языка.

KAZYS LABANAUSKAS (Moskau)

DAS NENZISCHE PERFEKT

In der nenzischen Sprache finden die finiten Formen mit dem Kennzeichen *-βi* (*-mi*) breite Anwendung, z. B. *taβi* 'er hat gegeben', *tarβid* 'sie sind hinausgegangen'.

In der Fachliteratur gibt es viele einander widersprechende Meinungen über das Wesen dieser Formen. Meines Erachtens haben die auf Grund des Partizipiums Perfekti entstandenen prädikativen Formen schon einen langen Weg der Bedeutungsänderung durchgemacht und kennzeichnende Züge der finiten Formen erworben. Sie können nach allen drei Typen der Konjugation (subjektiven, objektiven und reflexiven) und nach einigen Modi konjugiert werden.

Da diese Formen finit sind, ist es sinngemäß, die Frage zu stellen, welchen Tempus und Modus sie repräsentieren. In diesem Artikel wird versucht zu beweisen, daß diese finiten Formen nach ihrer Bedeutung Formen der resultativen Vergangenheit (oder des Perfekts) darstellen.

Das nenzische Perfekt gehört zum System der Vergangenheitsformen des Indikativs